

Пол, идентичность и перформанс: теории и политики трансгендерности

Даниил Жайворонок

31 марта 2020

Оглавление

Читайте также	3
Транс-активист Чингиз Полетаев заявляет, что «не существует общего для всех, огромного и радикального Перехода: у каждого и каждой будет свой путь».	4
Транс-теории	5
Женщинами, как и мужчинами, не рождаются, ими становятся через дисциплинарное заучивание правил игры: как одеваться, вести себя и даже чувствовать и думать так, чтобы твоё поведение, твой селф-перформанс совпадал с предписанной тебе идентичностью.	6
Краткая политическая история транс-движения	8
Транссексуализм с его патологизирующими коннотациями уступил место более нейтральному понятию трансгендерности только в 1990-х, в том числе благодаря усилиям транс-активист_ок.	9
Согласно докладу международной правозащитной организации Human Rights Watch, транс-люди в большинстве стран продолжают сталкиваться с насилием, жестокостью, исключением, сложностями с трудоустройством, поиском жилья, доступом к правосудию, получением необходимой медицинской помощи и сменой документов.	10
Транс-Россия	11
Формально российские врачи всё-таки должны следовать определениям, данным в МКБ-11, но введение этих положений в практику может занять долгое время или иметь ограниченное действие. . .	12

Не существует какого-то одного типа трансгендерных людей, так же как не существует одного типа цисгендерных (не-трансгендерных) людей. Все люди разные, их сущность не сводится к гендерной идентичности или сексуальной ориентации — идея насколько очевидная, настолько же часто забываемая. И когда мы говорим о трансгендерности, нужно помнить, что речь прежде всего идет не об отвлеченном понятии, а о множестве разных людей с разными ситуациями, опытами и жизненными траекториями.

Сама категория транс-людей может включать разные идентичности: транс-женщины, транс-мужчины, транссексуал_ки, агендеры, небинарные транс-люди, бигендеры и гендерквир. Их всех объединяет отличие актуальной гендерной идентичности от той, что была приписана им при рождении. Но стоит помнить, что «трансгендер» — всё-таки не абсолютно универсальная категория для тех, кто не соотносит себя с приписанным полом, и не все себя к ней причисляют. Например, антрополог Дон Кулик описал сообщества бразильских травести, не считающих себя трансгендер_ками или транссексуал_ками. Они также не считают себя мужчинами, несмотря на приписанный пол, и не считают себя женщинами, несмотря на то, что носят мини-юбки, высокие каблуки, принимают гормональные препараты и делают феминизирующие пластические операции. Они называют себя *viados* или *bicha*, что близко по смыслу к английскому *queer* (пидор).

Читайте также

Я — это оно. Как лингвисты по всему миру помогают небинарным людям найти идентичность

Люди, которые осуществили переход, то есть поменяли свою гендерную идентичность, также могут не называть себя трансгендер_ками, определяя себя как мужчин и женщин без всяких приставок. Небинарные транс-люди могут осуществлять переход не из одного гендера в другой, но выходить из самой оппозиции «мужского» и «женского». Некоторые могут совмещать оба гендера, идентичность других может быть подвижна, изменчива или совсем отсутствовать.

Как пишет литераторка Рейчел-Энн Виллиамс, «существует множество путей понимания небинарности. И мы приходим к тому, что небинарность — это зонтичный термин для всех людей, кто не определяет себя как мужчин или как женщин».

Трансгендерный переход также не имеет какой-то одной трактовки. Он может определяться как «действия, которые помогают трансгендерному человеку приблизиться к комфортному ощущению себя — как внутреннему, так и внешнему». Таким действиями могут быть смена пола в официальных документах, гормональная терапия, хирургические и пластические операции по феминизации/маскулинизации, социальные и культурные практики, маркирующие гендер (смена внешнего вида, имени, грамматического рода). И если некоторые стараются сделать «полный» переход, то другие могут делать только социальный или гормональный, не чувствуя потребности в операциях или смене документов.

Транс-активист Чингиз Полетаев заявляет, что «не существует общего для всех, огромного и радикального Перехода: у каждого и каждой будет свой путь».

Стоит также отметить, что в различных исторических эпохах и культурах складывались разные системы классификаций гендерных идентичностей и ролей. В некоторых обществах число признаваемых гендеров больше чем два, в некоторых гендерная идентичность зависит от возраста или доступны сценарии ее смены. Например, из описаний российско-советского этнографа Александра Максимова можно сделать вывод, что гендерно-сексуальная система таких северных народностей, как ительмены и чукчи, насчитывала как минимум пять признаваемых гендерно-сексуальных категорий. А гендерный статус зависел не только и даже не столько от «половых» признаков, но и от одежды, социальной роли, а также шаманских ритуалов и общения с духами. Однако по поводу того, насколько адекватным является применение западно-центричного термина «трансгендер» к гендерно-сексуальным системам незападных или досовременных обществ, ведутся дискуссии.

Транс-теории

Существует множество теорий и исследований, пытающихся объяснить происхождение трансгендерности. Исследовательница и активистка Яна Кирей-Ситникова выделяет два основных направления: «теория свободного выбора гендерной идентичности» и «группа теорий, выводящих трансгендерность из независимых от человека факторов». В последнюю категорию входят медицинские и социальные исследования, пытающиеся объяснить трансгендерность через опыт ранней социализации, особенности функционирования тех или иных участков мозга и/или воздействие андрогенов во время внутриутробного развития. Несмотря на то, что некоторые последние нейробиологические исследования говорят о существовании значимой корреляции между активностью отдельных мозговых зон и гендерной идентичностью (как среди цис-, так и среди транс-людей), природа и происхождение этой корреляции остаются неизученными.

В квир-феминистской методологии биологический пол и биология в целом перестают пониматься как основание гендерной идентичности. Джудит Батлер, цитируя известное высказывание Симоны де Бовуар — «женщиной не рождаются, а становятся», настаивает на том, что это становление женщиной является обусловленным политически и культурно, но не биологически. «Женщина» и «мужчина» — это не столько продукты наших тел, гормонов и половых органов, сколько социальные роли, способы одеваться, заученные стили поведения, манера говорить, отношения власти и прочие социальные условности. Батлер даже утверждает, что это не гендер является производной от биологического пола, а, напротив, сама концепция биологического пола есть лишь дискурсивный конструкт, чья функция заключается в легитимации гетеронормативности. То, что представляется нам как естественный порядок вещей, на самом деле есть сконструированная идеология, которую мы сами воспроизводим в своем поведении.

Женщинами, как и мужчинами, не рождаются, ими становятся через дисциплинарное заучивание правил игры: как одеваться, вести себя и даже чувствовать и думать так, чтобы твое поведение, твой селф-перформанс совпадал с предписанной тебе идентичностью.

Трансгендерные люди, как и дрэг-квин и дрэг-кинги (артисты оригинального жанра, выступающие в роли представителей «противоположного» гендера, зачастую в гипертрофированных формах), по мнению Батлер, лишь помогают вскрыть механизмы конструирования гендерной идентичности. Они показывают, что в поле и гендере нет ничего естественного, что они производятся через практики, институциональные и медицинские дискурсы и режимы власти. В квир-теории трансгендерность и дрэг превращаются в метафору сбоя и сопротивления, вскрывающую искусственную и ограничивающую идеологию гетеронормативности, которая сводит целый спектр гендерных проявлений к жесткой дихотомии женского и мужского полов и стигматизирует неконвенциональные проявления гендера и сексуальности.

Однако концепции Батлер и других квир-теоретиков критикуются со стороны некоторых транс-исследовател_ьниц. Например, литературовед транс-мужчина Джей Проссер считает, что теория перформативности не учитывает важных измерений опыта и перспектив самих транс-людей.

Дело в том, что квир-теория сводит гендер и даже биологический пол к социальным практикам, дискурсам и отношениям власти, а роль телесности в конструировании и восприятии собственной идентичности игнорируется или наделяется лишь вторичным значением (поверхность, на которой записываются культурные знаки отличия).

Как пишет Проссер, такой подход противоречит позиции многих транс-людей, которые считают телесные модификации (гормонотерапию, пластические и хирургические операции по феминизации/маскулинизации) настолько же значимыми для достижения желаемой гендерной идентичности, как и культурные и социальные атрибуты. Более того, многие трансгендер_ки весьма болезненно переживают несоответствие между гендером как идентичностью и гендером как телом и гендером как телесным или даже анатомическим опытом. Дискомфорт от «несовпадения» может вызываться как личными переживаниями, так и давлением со стороны гетеросексистского общества, в котором те, чья идентичность не укладывается в жесткие категории «мужского» и «женского», рискуют столкнуться с неприятием, стигматизацией и даже открытым насилием.

Проссер, конечно, согласен, что дискурсы и отношения власти играют важную роль в конструировании гендерной идентичности, но он отмечает, что также должна признаваться и важнейшая роль материальной реальности и телесности в производстве субъективности. Тот факт, что многие трансгендер_ки преодолевают множество препятствий, таких как психиатрические комиссии, общение с зачастую не очень дружелюбно настроенными чиновниками из разных инстанций и врачами, оплата отнюдь не дешевых справок и операций, подтверждает, что когда мы говорим о гендере, тела всё-таки имеют значение.

Из этого, конечно, не следует, что биология является определяющим фактором в формировании идентичности. Скорее можно говорить о сочетании культурных и материальных факторов. Как пишет Кирей-Ситникова, логично предположить, что «у трансгендерности нет какой-то единственной причины, и она у разных людей происходит от различных сочетаний обстоятельств». К тому же вряд ли различные транс-идентичности можно свести к одному основанию или одной причине.

Краткая политическая история транс-движения

Само понятие трансгендерности было впервые введено в 1965 году Джоном Оли-
венном, психиатром из Колумбийского университета. Он считал, что это понятие
адекватнее описывает людей, меняющих свою идентичность, чем понятие транссек-
суальности. Последнее было введено в Германии Магнусом Хиршфельдом в 1930-м.
Благодаря влиянию исследований немецкого врача и сексолога *transsexualismus*,
понимаемый не как особенность, но скорее как патология, нуждающаяся в исправ-
лении, надолго закрепился в медицинском и публичном дискурсах.

**Транссексуализм с его патологизирующими коннотациями
уступил место более нейтральному понятию
трансгендерности только в 1990-х, в том числе благодаря
усилиям транс-активист_ок.**

В настоящее время трансгендерность депатологизируется на уровне наиболее
влиятельных медицинских и психиатрических организаций. В 2013 году Амери-
канская ассоциация психологов убрала «расстройство гендерной идентичности» из
списка диагнозов, заменив его на «гендерную дисфорию». Это было сделано, чтобы
убрать «расстройство» с его патологизирующими коннотациями, одновременно
сохранив сам диагноз в качестве основания права транс-людей на получение ме-
дицинской помощи при переходе. В 2018 году в последней версии Международной
классификации болезней (МКБ-11), выпускаемой ВОЗ, блок «Расстройства половой
идентификации» (в который входил транссексуализм) заменен на новый диагноз —
гендерное несоответствие, определяющееся как «характеризующееся заметным и
постоянным расхождением между ощущаемым гендером индивида и приписанным
полом, что часто приводит к желанию сделать „переход“». Кроме отказа от опре-
деления «расстройство» там же имеется примечание, что сама по себе гендерная
вариативность не является основанием для постановки данного диагноза.

Однако депатологизация медико-психиатрического дискурса о трансгендерности
была бы, скорее всего, невозможна без предшествовавших ей десятилетий борьбы
активист_ок за свои права. В США движение транс-людей начало складываться с
середины 1960-х.

В 1966 году, за три года до знаменитого Стоунволлского бунта, в Сан-Франциско
произошло не столь известное, но очень важное событие в истории транс-политики.
Дрэг-квин и транс-женщины, собиравшиеся в круглосуточном кафетерии «Комптон»,
восстали против очередного незаконного ареста транс-женщины и враждебного
отношения со стороны полиции и менеджмента заведения. К противостоянию с
копами присоединились и другие представитель_ницы местного комьюнити ЛГБТК+
и секс-работн_ицы.

Несмотря на то, что «Комптон»-райот не привел к каким-то законодательным
и институциональным изменениям, он стал важным моментом в формировании
не только транс-, но и ЛГБТК+активизма в целом. В 2016 году транс-режиссерка и
исследовательница Сьюзен Страйкер выпустила документальный фильм *Screaming
Queens*, исследующий бунт в Сан-Франциско и его эффекты.

Транс-люди также принимали активное участие в Стоунволлском бунте и играли важную роль в последовавшей за ним волне ЛГБТ-активизма. Транс-активист_ки боролись с проблемами полицейского насилия, дискриминацией в жилищной сфере и при приеме на работу. Они добивались права на доступ к необходимым для перехода медицинским услугам — гормональной терапии и/или хирургическим операциям, протестовали против патологизирующих и стигматизирующих диагнозов, против невидимости и исключения транс-людей и их голосов из публичного дискурса. Также транс-организации активно включены в борьбу за права секс-работн_иц.

В 1990 году вышел культовый фильм «Париж в огне», посвященный культуре транс-балов в Нью-Йорке, Мадонна выпустила клип на свой хит Vogue, а Джудит Батлер издала Gender trouble, ставшую академической классикой и поставившую транс-людей и дрэг в центр теоретического осмысления гендера и сексуальности. Однако завоевания в поп-культуре, расширенные в 2010-х появлением в мейнстриме Кейтлин Дженнер, Кончиты Вурст, Лаверны Кокс, перехода сестер Вачовски и выпуском сериала Rose и других художественных произведений, показывающих жизнь трансгендеров, вовсе не означают, что проблем больше нет.

Согласно докладу международной правозащитной организации Human Rights Watch, транс-люди в большинстве стран продолжают сталкиваться с насилием, жестокостью, исключением, сложностями с трудоустройством, поиском жилья, доступом к правосудию, получением необходимой медицинской помощи и сменой документов.

Они также в два раза чаще, чем цис-люди в целом, приобретают ВИЧ и, как показали исследования в США, Канаде и Европе, чаще совершают попытки суицида, что во многом объясняется стигматизацией со стороны общества. В наиболее уязвимом положении находятся трансгендерные секс-работни_цы. По данным Trans Murder Monitoring, более 60% от общего числа убитых трансгендер_ок — это именно секс-работни_цы.

Транс-Россия

В СССР транссексуализм считался «лживым буржуазным извращением», чужеродным для советской пролетарской культуры. При обращении за медицинской помощью транс-люди рисковали получить диагноз «шизофрения» и подвергнуться принудительному лечению в психоневрологическом диспансере. В то же время отдельные врачи занимались исследованием трансгендерности и некоторым транс-людям удавалось получить хирургическую коррекцию и добиться смены пола в документах. Например, в начале 1970-х в Риге Виктор Калнберз провел первую в мире полную операцию по хирургической смене пола с женского на мужской. Операция прошла успешно, а его пациент без затруднения сменил документы и, судя по всему, жил полноценной социальной и сексуальной жизнью. Тем не менее Калнберз получил выговор от министра здравоохранения за «потакание разврату».

После распада Советского Союза медицина стала более открытой для транс-людей. Но не намного. Как отмечает психиатр и сексолог Ирина Карагаполова, в российской медицине до сих пор распространено патологизирующее отношение к транс-людям, используются устаревшие и противоречащие международным конвенциям диагнозы и подходы, высок риск столкнуться со стигматизацией и дискриминацией при получении медицинских консультаций и услуг. Сохраняется риск диагностирования той же шизофрении. На деятельность врачей оказывают влияние расхожие стереотипы, ЛГБТ-фобные законы («запрет гомопропаганды»), наследие советской репрессивной психиатрии, общая маргинализация и табуированность подобных тем в обществе.

Формально российские врачи всё-таки должны следовать определениям, данным в МКБ-11, но введение этих положений в практику может занять долгое время или иметь ограниченное действие.

К тому же в России трансгендерные люди, как и ЛГБТК+ в целом, сталкиваются еще с целым рядом дискриминаций и форм насилия: от физического до увольнения с работы или неправомерного задержания. Официальных данных относительно транс-людей в России нет, но согласно мониторингу, проводимому «Российской ЛГБТ-сетью», транс-женщины чаще других групп сталкиваются с физическим насилием, транс-мужчины — с проблемами в доступе к медицинским услугам, и обе группы — с насилием психологическим. По некоторым данным, возможность столкнуться с насилием и неприятием выше в небольших городах и населенных пунктах, чем в крупных мегаполисах (хотя и большой город не является безопасным пространством). Упоминания транс-людей в СМИ и социальных сетях до сих пор нередко сопровождаются пренебрежительными и стигматизирующими комментариями, а президент страны не способен запомнить/произнести само слово «трансгендер» и вместо этого говорит о «трансформерах», как если бы речь шла о каких-то воображаемых героях из комиксов, а не о реальных людях.

О своих проблемах трансгендер_ки говорят и в посвященных им публикациях. Транс-женщины с мигрантским статусом, занимающиеся секс-работой, рассказы-

вают о своей уязвимости перед полицией, бандитами, мигрантскими службами, клиентами и обществом в целом. Транс-люди, делающие переход, рассказывают о сложностях с каминг-аутом, о столкновении с неприятием близких и друзей, с угрозами, насилием и постоянными увольнениями или отказами в трудоустройстве. Практически все сталкиваются с «трудностями перехода»: сложными, многоступенчатыми бюрократическими процедурами, изматывающими взаимодействиями с врачами и чиновниками и дорогостоящими операциями, на которые не у всех хватает денег.

Конечно, есть и позитивные изменения. Прогрессивные СМИ начали обращать внимание на транс-людей и их проблемы. Трансгендер_ки стали заметнее в поп-культуре, интернет и социальные сети дали возможность многим из них рассказать о себе, поделиться своим мнением, позицией, творчеством. Однако важно помнить о том, что жизнь большинства транс-людей до сих пор связана с опасностями, рисками, различными сложностями, нарушением их прав, угрозой психологическому и физическому здоровью. Более свободное общество, открытое к разнообразию гендеров и сексуальностей, — это не сегодняшняя реальность, но возможное будущее, за которое неплохо было бы бороться всем нам.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Даниил Жайворонок
Пол, идентичность и перформанс: теории и политики трансгендерности
31 марта 2020

web.archive.org

31 марта — Международный день видимости трансгендерных людей. Его начали отмечать недавно, в 2009 году, чтобы привлечь внимание к проблемам трансгендерных людей, а также к их культуре, истории и актуальной политической борьбе. Квир-социолог и автор телеграм-канала «Смерть и Мебель» Даниил Жайворонок рассказывает о разном понимании трансгендерности, современных транс-теориях и транс-активизме.

ru.anarchistlibraries.net